

ДЕМОКРАТИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И РАВЕНСТВА

*Коновкин Е. С.,
к. филос. н., доц. кафедры философии и
социологии ФГБОУ ВПО «Уральский
государственный юридический
университет»*

Democracy in the context of social structure and equity

Ключевые слова: демократия, социальное равенство, социальная поляризация, богатые, бедные, креативный класс, «офисные пролетарии».

Краткая аннотация: Автор рассматривает демократию в контексте социального равенства, социального расслоения и социальной структуры общества по экономическому критерию. Относительное социальное равенство признаётся условием народовластия, а социальная поляризация – препятствием. Рассматривается также отношение слоёв российского общества к демократии, исходя из их объективного положения в социальной структуре. Готовность к участию в народовластии групп, различающихся экономически и по жизненной стратегии, незначительна.

Key words: democracy, social equality, social polarization, the rich, the poor, the creative class, “office proletarians”.

Abstract: The author analyzes democracy in the context of social equality, social differentiation and social structure of society by using the economic criterion. The relative social equality is recognized as the essential component of people power, while social polarization is seen as an obstacle. The analysis also includes the attitude of the strata of the Russian society towards democracy, proceeding from their objective position in the social structure. The willingness of the groups, which are different in their economic status and life strategy, to participate in people power is insignificant.

В настоящее время в общественном мнении России имеют хождение два противоречащих один другому тезиса. Тезис первый: наше общество постепенно,

освобождаясь от прошлого, совершает переход от авторитаризма к демократии. Тезис второй: в стране происходит углубление социального расслоения общества. На наш взгляд социальная поляризация объективно препятствует демократическим процессам, которые нуждаются в определённой степени социального равенства. Под социальным равенством мы понимаем прежде всего отсутствие полюсов бедности и богатства, эксплуатации человека человеком, дискриминации по признакам пола, этноса, места жительства, религиозной принадлежности.

Демократия означает власть народа, которая осуществляется двумя путями: непосредственно (через выборы, референдумы, собрания, митинги и др.) и опосредованно (через народных представителей). Народовластие ставит всех членов общества в равное положение: каждый имеет право избирать и быть избранным, принимать участие в управлении обществом и государством. Это как раз и не устраивает привилегированную часть общества, которая всегда остаётся в меньшинстве и рискует потерять преимущества. Вот почему в трактовке демократии появляется множество оговорок, содержащих опасения относительно некомпетентности рядовых граждан или недоучёта большинством интересов меньшинства. В дискуссиях о сущности демократии оспаривается «классический» подход и появляются интерпретации народовластия, не оставляющие места власти народа.

Й. Шумпетер, сторонник элитарной концепции демократии, косвенно признаёт, что для народовластия немаловажным условием является наличие относительного социального равенства и даже некоторой однородности общества. Он отмечает, что классическая доктрина (не элитарная) может со значительной долей приближения соответствовать фактам, во-первых, в небольших и примитивных обществах, во-вторых, в не примитивных обществах «при условии, что в них нет *глубокого расслоения* (курсив К. Е. С.) и серьёзных проблем». [1. – С. 353.] В качестве примера американский исследователь называет Швейцарию, которая, будучи в своё время страной крестьян, почти не имела спорных вопросов, где «за исключением гостиниц и банков, почти нет капиталистической индустрии и проблемы государственной политики настолько просты и стабильны, что подавляющее большинство может понять их и достичь согласия». [1. – С. 353.] Нам представляется, что эта относительная простота и стабильность государственной

политики во многом обусловлена сравнительно однородным составом населения страны.

Труд и основы благосостояния, а также интересы крестьян, населяющих страну, варьируют не настолько, чтобы кто-то пытался их тщательно закамуфлировать. Отсюда, относительная простота и ясность государственной политики, позволяющая вникнуть в её суть каждому желающему. Й. Шумпетер замечает, что реальная возможность достижения согласия в таких обществах связана не с эффективным механизмом принятия решений, а с тем, что там нет необходимости принимать важные решения. [1. – С. 353.] Но что означает фраза «важные решения»? Приводя пример с США, большим обществом с высокой степенью расслоения, где немало жизненно важных проблем, ученый говорит о равнодушии народа в целом, кроме случая разногласий, «который породил национальное бедствие, Гражданскую войну». [1. – С. 354.] Таким образом, «важные решения», если исходить из краткого объяснения Шумпетера, связаны с проблемами основ существования и судеб общества как единой системы. Следует признать, что гражданская война есть порождение глубокого социального расслоения общества. Если же нет социально полярных групп, нет антагонизмов между ними, объективных, а не мнимых, то и нет оснований для так называемых «важных решений».

Й. Шумпетер пишет, что если нет вопросов, имеющих жизненно важного значения для рядового гражданина, то «проделки политиков» им презируются «добродушно», волнуется только какая-то часть общества, а народ в целом равнодушен. [1. – С. 354.] Но поскольку и относительно малозначимые вопросы надо решать, то берутся за это политики, компетентные члены общества без участия народа. А вот в сравнительно однородном обществе и рядовые граждане почему-то не остаются равнодушными и участвуют в управлении. С чем связан такой парадокс? Надо полагать, что в обществе с высокой степенью расслоения фактические отношения в политической сфере складываются так, что рядовых граждан никто не спрашивает: как надо решать проблемы. Избиратели убеждаются, что в выборах компетентных управленцев участвовать нет смысла, так как в итоге решения будут приниматься в интересах привилегированного меньшинства. Равнодушие электората проистекает не из второстепенности

проблем, а из бессмысленности политического участия в создавшейся системе принятия решений.

В капиталистическом обществе, где закономерным образом существует глубокое социальное расслоение, демократия возможна лишь в том смысле, который подразумевает Й. Шумпетер. Американский исследователь рассматривает демократию вовсе не как власть народа, через которую достигается всеобщее благо. Сутью демократии, по его мнению, является конкуренция политиков за власть, где народу отводится роль электората. Манипулирование массовым сознанием, пустые предвыборные обещания рассматриваются как неизбежные издержки демократического процесса. Вместе с тем, сторонники такого понимания демократии как реального процесса, а не идеала, мыслят её только в национальных рамках (в пределах отдельно взятой страны, государства) и высказывают опасения по поводу так называемой *глобальной демократии*, в которой один представительный орган избирается на группу стран, если не на весь мир. Обеспокоенность мотивируется опасностью, «что создание глобальной демократии будет всего лишь отражением гегемонии незначительного числа международных субъектов». [2. – С. 29.] Получается, что сторонники либеральной демократии небезосновательно боятся, что перенос её принципов на международный уровень приведёт к политической зависимости одних стран от других. Вместе с тем, они почему-то не замечают гегемонии одних социальных групп по отношению к другим в демократии на уровне своих стран.

С. Хантингтон отмечает наличие уравнительных тенденций демократии, которые, надо полагать, мешают привилегированным группам. В этой связи, в странах, где демократия ещё не устойчива, может произойти откат в сторону олигархического авторитаризма. [3. – С. 314.] Американский исследователь формулирует вопрос: «Каков предел социально-экономической поляризации, после которой демократия станет невозможна?». [3. – С. 314.] Но если демократия коррелирует с состоянием социальной структуры общества, то справедливо предположить такую зависимость: чем сильнее социальная дифференциация, тем меньше оснований для демократии как народовластия.

Р. Даль также поднимает проблему соотношения демократии и социального равенства. В частности, ссылаясь на исследования Рассетта, он

показывает связь между распределением земель, которое имело место в 47 странах примерно в 1960 году, и политическим режимом. Открытые полиархии (наиболее демократические плюралистические режимы) встречаются в тех странах, где распределение земель было наиболее равным. И, наоборот, страны с наибольшим неравенством оказывались неполиархиями. [4. – С. 99.]

Американский ученый проследил довольно интересные особенности демократизации при переходе к индустриальному обществу, обратив внимание на тип аграрного общества. Если индустриализация протекает в традиционном крестьянском обществе, то возрастает равноправие в отношении некоторых ключевых ресурсов. Надо полагать, что имеются в виду такие жизненно важные условия как доход, богатство, статус, знания. В отношении политических ресурсов (грамотность, образование, технические знания, организационные навыки, доступ к лидерам и т.п.) происходит рассеивание неравенства. Рассеянное или рассредоточенное неравенство означает, что, если по каким-то критериям гражданин оказывается в нижних стратах общества, то по другим критериям может находиться на более высоких ступенях социальной иерархии. Тем самым неравенство в одном отношении компенсируется равенством в другом отношении. Р. Даль показывает, что в процессе индустриализации происходит переход от совокупного неравенства к рассеянному неравенству и от глубокого неравенства к менее выраженному неравенству. Заметим, что совокупное неравенство означает неравенство по большинству основных показателей.

Если индустриализация помещена в рамки свободного фермерского общества, а не традиционного крестьянского, то может произойти усиление неравенства в отношении политических ресурсов, даже несмотря на то, что это неравенство является скорее рассеянным, чем совокупным. [4. – С. 103-105.]

Исходя из рассмотренных посылок демократизации общества, а именно, из изменений в сфере политических ресурсов в эпоху индустриализации и, учитывая, что индустриализация является одним из ведущих факторов в динамике социальной структуры, мы вместе с тем можем предположить не последнюю роль в этом процессе (демократизации) отдельных элементов социальной структуры. Фермерство как социальная группа и форма ведения хозяйства способствует усилению социальной дифференциации общества и стягивает политические

ресурсы к одному полюсу, что объективно снижает возможности политического участия для зависимых от него социальных групп. Фермерство по своему социальному и экономическому положению в целом, на наш взгляд, склонно поддерживать элитарную модель демократии.

Серьёзным препятствием для развития демократии является социальная поляризация общества, в экономическом аспекте означающая, что на одном полюсе сосредоточена крайняя бедность, на другом – огромное богатство. Рассмотрим отношение социальных слоёв, выделенных по экономическому критерию: богатых, бедных и средние слои, к демократии, исходя из их объективного положения в социальной структуре общества.

Богатые составляют незначительную часть населения любой страны. Это слой привилегированных людей, которые объективно по своему экономическому положению не заинтересованы в развитии демократии, которая, как мы отмечали, имеет уравнительную тенденцию. По мнению либерального мыслителя и исследователя демократии в США А. де Токвиля богатые люди питают глубокое отвращение к демократическим институтам своей страны. «Народовластие – это власть, которую они боятся и презирают». [5. – С. 148.] Вообще, богатые люди, как правило, постепенно приобретают такие личностные качества как алчность, с подозрительностью относятся к другим людям, становятся на путь озлобленности и даже агрессии. Э. Фромм отмечал, что «у кого есть собственность, тому её вечно мало и он всегда готов пустить в ход насилие, чтобы явно или тайно обобрать другого». [6. – С. 297.] Разумеется, демократия для экономически привилегированного слоя может признаваться только в качестве вынужденного способа регулирования отношений.

Представители нижней страты не всегда осознают социальные предпосылки своего бедственного положения. Те объяснения, которые предлагаются идеологией правящего класса, абсолютизирующей роль личной инициативы, вызывают лишь негативную реакцию и неприятие существующих норм. Бедность в равной мере может привести как к экстремизму и терроризму, так и к апатии с её уходом в сектантство, религию, алкоголизацию. Демократия, требующая относительной свободы от проблем выживания, усилий со стороны её сторонников, некоторого абстрагирования от частных интересов, может оказаться

непосильной ношей для граждан, которые не усматривают заметных перспектив собственной индивидуальной судьбы.

Когда обращаются к изучению средних слоёв, то более всего акцентируют внимание на так называемом среднем классе. В процессах глобализации и развития информационного общества эта достаточно многочисленная в макросоциальных масштабах страта заметно расслаивается. Большая её часть движется в сторону снижения статусных позиций. Причин здесь много: структурные изменения экономики, рост конкуренции на рынке труда, кризис профсоюзного движения и др.

В этой непростой ситуации в составе среднего класса происходит кристаллизация двух слоёв: так называемого «креативного класса» и, условно говоря, «офисных пролетариев». Общее между ними – это «заточенность» на личном потреблении и экономическом обогащении, что сформировано «обществом потребления», ценности которого они восприняли и усвоили. Отличие между упомянутыми социальными слоями заключается в уровне квалификации, объёме социального капитала, а, следовательно, перспективах служебного роста. Главная особенность креативного класса, как принято считать, состоит в его ориентированности на творчество. По мнению Ю. Г. Волкова анализируемая группа отличается от других групп особой целью осуществления значимых социальных изменений и «руководствуется самореализацией через участие, *находя в массовых практиках возможность осуществления собственных жизненных траекторий*». (курсив - К. Е. С.) [7. – С. 293.] Справедливо полагать, что креативный класс, соединяя такие свойства как индивидуализм и социальную солидарность, скорее всего, находит в демократии средство реализации личностных ожиданий, которые оказываются достаточно высокими. Если же демократический процесс не оправдывает этих ожиданий, то неминуемо приходит разочарование, отход на ориентиры, которые сложно отнести к демократическим. Жизненная позиция представителей креативного класса, как показывают биографии известных людей, профессии которых принято называть творческими, может проделать весьма извилистый путь вплоть до солидарности с явно фашистскими течениями, что вполне объяснимо промежуточным социальным

положением, индивидуалистическими установками, боязнью оказаться неудачниками.

Так называемый «офисный пролетарий» занят, наоборот, преимущественно социальным репродуцированием. Соображения карьеры у представителей этой группы не столь очевидны, социальная активность связана с конкретными обстоятельствами. Они не чужды в целом демократическим идеям, но у них меньше ожиданий от политического участия и от деятельности демократических институтов.

В итоге отметим следующее. Западные исследователи, являющиеся приверженцами тех или иных вариантов либеральной демократии и стремящиеся к объективному анализу, вольно или невольно признают зависимость демократического процесса от степени социального равенства в обществе. Краткий анализ отношения к демократии социальных слоёв, различающихся по экономическому критерию, показывает, что готовность к участию в народовластии незначительна. Одни группы, исходя из их экономически привилегированного положения, рассматривают народовластие в качестве вынужденной уступки. Другие группы не осознают своих интересов либо, занимая неустойчивое «срединное» положение в социальной структуре, пребывают под влиянием стратегии «личного успеха». В обществе социальной поляризации выстраивание народовластия сомнительно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995.
2. Баранов Н. А. Современная демократия: эволюционный подход. – СПб., 2008.
3. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М., 2003.
4. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. – М., 2010.
5. Токвиль А. де. Демократия в Америке. – М., 1994.
6. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? – М., 2009.
7. Волков Ю. Г. Социология. – М., 2012.